

3. Dworkin R. Religion without God . Harvard University Press, 2013. 192 p.
4. Alles G. Rudolf Otto and the politics of Utopia. // Religion. 1991. 21(3). P. 235–256.
5. Letters of C. G. Jung: Volume I, 1906–1950. Routledge, 2015. 634 p.

Федяев Д. М.

О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Рассматривается один из идеалов современной культуры – машинно-технологический. В настоящее время принцип организации деятельности, характерный для заводов и фабрик индустриальной эпохи, вышел за пределы материального производства и получил широкое распространение. Примерами могут служить идеология образования, литературное творчество жанра фэнтези, избирательные технологии.

Ключевые слова: культура, техника, технология, машина, образование, литература.

Согласно Д. В. Пивоварову, «целостность культуры в единстве ее сущности и существования неправомерно низводить к ее религиозному архетипу или возводить к светским присущностям. В этом смысле культура не бывает ни чисто религиозной, ни чисто светской, но в той или иной мере содержит внутри себя религиозные и светские компоненты» [4, с. 43]. Технологический компонент в настоящее время достаточно значим.

Если речь идет о чем-либо современном, правомерен вопрос о том, когда именно современность «началась», или, точнее, что вызвало ее становление как специфического качества. На наш взгляд, технологическое качество стало во многом определяющим качеством культуры благодаря двум процессам, протекавшим более или менее одновременно. Первый связан с массовым переносом материального производства из «высокоразвитых» стран в «третьи» страны с дешевой рабочей силой. При этом постепенное уменьшение количества работников заводов и фабрик в высокоразвитых странах, протекавшее в ходе автоматизации и оптимизации производства, уступило место резкому скачку. Второй процесс – массовое распространение персональных компьютеров и их объединение в Интернет. В нашей стране приблизительно в то же время значительная доля материального производства была просто свернута в силу изменения общественного строя, так что процент населения, занятого на производстве, тоже резко сократился.

Иллюстрацией изменения культуры может послужить простая механическая модель. Представим два цилиндрических несообщающихся сосуда, в один из которых налито нечто материальное, в другой – духовное. Материального больше. В нижней части сосуды соединены трубкой, которая перекрыта заслонкой. Она мешает жидкости свободно перетекать из одного сосуда в другой. Теперь допустим, что заслонка внезапно убрана или же просто проржавела. Тогда материальное хлынет в духовное. Нечто похожее произошло при переходе от индустриализма к постиндустриализму. Принцип организации деятельности, характерный для заводов и фабрик, получил широкое распространение вне материального производства. Он заключается в:

- А. Расчленении целостной деятельности на элементарные, атомарные операции;
- Б. Оптимизации средств и способов выполнения каждой из них;
- В. Последующем разнообразном комбинировании раз найденных операций и средств соответственно поставленным целям.

Он был найден еще в мануфактуре, а впоследствии закрепился в механизированном (машинном) и автоматизированном производстве, причем каждая атомарная операция нашла свое механическое олицетворение. Следует также отметить, что атомарных операций оказалось немного: резание, сверление, фрезерование и др. Впрочем, в алфавите не так уж много букв, а нот в музыке еще меньше. Комбинациям же нет конца.

Персональный компьютер построен по тому же машинно-индустриальному принципу. Имеется ряд стандартных «базовых» операций, которые реализованы в его работе, например: шифровка (перевод из десятичной системы в двоичную); дешифровка (обратная операция); осуществление «логических» операций («И», «Или», «Не»); запоминание (сохранение положения, вызванного сигналом, пришедшим на вход устройства); формирование геометрически точного прямоугольного импульса (необходимое условие всего предыдущего).

Реализация этих функций электронными устройствами была осуществлена давно, были очевидны едва ли не безграничные возможности их комбинаций, но они во многом оставались абстрактными, поскольку с усложнением изделий резко снижалась их надежность.

Качественный скачок произошел в конце 1970-х — начале 1980-х гг. на пути миниатюризации. В том же объеме, в котором раньше размещались 4–8 логических схем, размещаются сотни. Одновременно резко увеличилась надежность, что предопределило создание персонального компьютера и многого другого: цифровых фотокамер, сотовых телефонов, планшетников, айфонов-смартфонов и др. Комбинирование стандартных функций и, соответственно, электронных устройств можно считать первым уровнем компьютерной

«машинности». Второй обнаруживается в деятельности пользователя, который комбинирует стандартные операции соответственно поставленным целям.

Наконец появилась возможность подключиться к Интернету. История его создания известна. Она отсчитывается от 1962 г. Согласно М. Кастельсу, работа началась «под впечатлением запуска первого советского спутника с целью мобилизации научно-исследовательских ресурсов (в частности потенциала университетов) для достижения превосходства над Советским Союзом в области военных технологий» [2, с. 23]. Успех дела определила «невероятная комбинация: большая наука, военные исследования и культура свободы» [2, с. 31].

Посмотрим, что меняет Интернет в практике гуманитарных исследований. Один из русских писателей-классиков определил занятие наукой как переписывание хороших мыслей из разных книг в одну тетрадку. Понимая всю язвительность этого определения, нельзя не признать, что очерченный им объем работы достаточно велик. Во-первых, надо определить, какие именно книги нужны для решения поставленной задачи, а для этого надо иметь хотя бы исходную гипотезу. Во-вторых, их нужно собрать. В-третьих, каждую книгу придется прочитать: хорошие мысли далеко не всегда выделены жирным шрифтом. В-четвертых, после освоения исходного набора книг нередко выясняется, что нужны еще какие-то и т.д. Все это — до Интернета. Интернет открывает совсем другие возможности. Исследователь, который едва лишь сформулировал проблему, может задать, например, поиск по ключевым словам и сразу получить набор хороших мыслей по интересующему вопросу — без всякой предварительной гипотезы. После этого возникает соблазн собрать их в целое, более или менее связное. Затем можно счесть, что проблема решена. Если мы пошли по этому пути, реализуется третий уровень машинности — комбинация найденных не нами элементов. Правда, настоящего решения проблемы таким образом не получить, но его видимость создается.

Машинность представлена и в других сферах деятельности, далеких от материального производства, например, в системе образования. В русле идеологии Болонского процесса качество образования отождествляется с компетентностью, под которой понимается «интегральная характеристика, определяющая способность специалиста решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности. Компетентность всегда проявляется в деятельности. Нельзя «увидеть» непроявленную компетентность» [3, с. 9]. В другой работе читаем, что «компетентность – результат образования, выражающийся в овладении учащимся определенным набором (меню) способов деятельности по отношению к определенному предмету воздействия» [1, с. 7]. Очевидно, что речь идет об определенном наборе уже разработанных способов деятельности, которые компетентный субъект комбинирует применительно к конкретной ситуации, то есть действует в индустриальном стиле.

Комбинирование базовых элементов характерно и для современной литературной деятельности. В доиндустриальную и индустриальную эпохи создание литературных произведений не носило индустриального характера. Их авторы нередко сами искали творческие приемы, которые бы соответствовали поставленным задачам. В настоящее время положение изменилось. Дело не в том, что современные писатели менее добросовестны, чем классики. За время своего существования мировая литература накопила такой запас образов, сюжетов, вариантов композиции, творческих приемов, что сегодня создать нечто совсем уж новое и своеобразное вряд ли возможно: души людей и человеческие отношения меняются несравненно медленнее, чем творения человеческих рук. Распоряжаясь накопленным наследием, литература пошла по тому же пути, который много раньше прошла техника, но, разумеется, без широкомасштабных социальных потрясений, которые были характерны для промышленного переворота в материальном производстве. Вычленение элементов литературного наследия происходит легко и естественно. В распоряжении писателя, владеющего материалом истории литературы, имеется значительный запас образов, ситуаций, сюжетов, «повороты темы», гарантирующих определенное, предусматриваемое авторами эмоциональное воздействие на читателя, неоднократно проверенное, что живо напоминает набор операций трудовой технически оснащенной деятельности, воздействие которых на предмет труда предопределено. Остается «только» создать из них новую своеобразную комбинацию. Процесс комбинирования стал практически свободным благодаря появлению жанра фэнтези. В жанре реализма подобная свобода была невозможна. Реальность мешает. Если же действие происходит в Среднеземье, Земноморье, Нарнии и др., ни один критик не сможет сказать, что, мол, автор противоречит правде жизни. Более того, в лучших произведениях жанра фэнтези уже найден прием, позволяющий добиться благосклонного взгляда читателя на чудеса, содержащиеся в сюжете. Кроме чудес, в нем должны присутствовать элементы, соответствующие жизненному опыту читателей. К примеру, каких только чудес нет в «Гарри Поттере», но описание внутришкольных отношений столь правдиво, что читатель с удовольствием воспринимает и все чудесное. Школы, конечно, бывают разные, но сходства в них явно больше, чем различий, будь то Хогвартс или Омский педагогический университет.

Разумеется, нельзя утверждать, что комбинирование стандартных элементов характерно для всех видов деятельности, поскольку нельзя разом рассмотреть их все. Тем не менее, во многих сколько-нибудь «востребованных» видах, будь то подготовка выборов или производство эстрадных звезд, осуществляется выделение элементарных составляющих, создаются их комбинации, производятся серии, что подтверждается, в

частности, широчайшим распространением термина «технология». Широкое распространение индустриальных принципов отчасти подтверждает своеобразная негативная реакция на стандартную ныне технологию в той сфере, где она зародилась – в материальном производстве. Все более высоким спросом пользуются продукты ремесленной деятельности, протекающей в традиционной доиндустриальной форме. Более того, солидные фирмы, производящие серийную продукцию, нередко особо рекламируют наличие ручных операций в производстве тех или иных изделий.

В прошлом, – пишет Д. В. Пивоваров, – «ремесленные образцы, технические и художественные приемы, методы руководства обществом и иные идеалы, придающие производственной и общественной деятельности устойчивый характер, бережно передавались от поколения к поколению, превращались в ткань традиций. Они сопровождалась тайной, священнодействием, клятвой, а клятвопреступники подлежали ostracismu» [4, с. 42]. В наши дни технологией (или технологиями) не клянутся, но нечто молитвенное в отношении к ней имеет место. Она превратилась в один из ключевых идеалов современной культуры.

Если же мы обратимся к прошлому, то стоит вспомнить, что становление машинного производства породило модель человека и мира (человек – машина и др.). С инструментом человека не сравнивали, поскольку было ясно, что инструмент продолжает и усиливает человеческую руку, но не заменяет ее. Замена машиной человеческой руки, вооруженной инструментом, показало, что человек кое в чем ей уступает. В отличие от человека, машина действует точно и правильно, не нарушает дисциплины, не подвержена перепадам настроения. Стремление довести работника до машинного совершенства привело к появлению тейлоризма – научной организации труда. Тейлоризм оптимизировал производственную сферу, не слишком нарушая ее рамки. В настоящее время выход машинных по своей природе технологий за пределы производственной сферы состоялся. Кроме того, как считается, собственно машине предшествовала мегамашина, существовавшая с глубокой древности. Если принять эту идею Л. Мэмфорда, разделяемую многими авторами, придется согласиться с тем, что машинный идеал присутствует в культуре едва ли не в течение всей ее истории.

Библиографический список:

1. Голуб Г. Б., Перельгина Е. А., Чуракова О. В. Метод проектов – технология компетентностно-ориентированного образования / под ред. Е. Я. Когана. Самара : Учебная литература. 2006. 176 с.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория. 2004. 328 с.
3. Компетентностный подход в педагогическом образовании / под ред. В. А. Козырева и Н. Ф. Радионовой. СПб : РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. 346 с.
4. Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та. 2013. 248 с.

Шестовских Н. А.

ДИАЛЕКТИКА «ЛОГОСА» И «РАЦИО» В ФИЛОСОФИИ В. Ф. ЭРНА

Аннотация. В статье рассматриваются понятия Логос и Рацио как два уровня исторического бытия и два противоположных познавательных начала, с помощью которых русский философ В. Ф. Эрн постулирует различия в ценностно-смысловых культурологических доминантах России и Запада.

Ключевые слова: В. Ф. Эрн, русская философия, рационализм, Логос, западная культура, русская культура.

Интеллектуальный климат России начала XX в. во многом определила русская религиозная философия, многие идеи которой не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Одной из важнейших тем, находящихся в центре внимания русских философов, являлась проблема соотношения российского и западного типов цивилизационного и культурного развития.

В работах русского философа Владимира Францевича Эрна проблема «Россия — Запад» выступает как одна из основных тем и находит свое отражение в противопоставлении как двух уровней исторического бытия, так и двух противоположных познавательных начала — Логоса и Рацио.

В основе философии В. Ф. Эрна лежит «православный онтологизм и борьба с рационализмом и формализмом европейской философии за живой христианский Логос» [3, с. 379]. Западная культура определяется Эрном как культура, развивающаяся под знаком Рацио, под знаком разрыва с Богом. В противовес этому русская культура проникнута идеей мирового возврата к Сущему или Богу.

«Рацио» у Эрна является попыткой неверного и не всецелого определения мысли. Он имеет в своей основе разрыв между «сущим и мыслью, между формой и содержанием, между априорным и апостериорным, между явлением и тем, что является» [6, с. 277]. Живая и активная мысль, достойная автономного самоопределения, превращается в мертвую схему суждения, лишенную всякой активности, всякого внутреннего